

Нежные языки пламени. Шезлонг

Автор:

[Алиса Клевер](#)

Нежные языки пламени. Шезлонг

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #10

Наконец-то для Даши Синицы весь ужас остался в прошлом. Теперь она спокойно может улететь из Парижа в Москву вместе со своим женихом Андре Робеном, чтобы проведать мать, которая лежит в больнице. Казалось бы, девушке остается планировать свадьбу и думать о совместном будущем с любимым. Но думать Даше приходится о другом. Громкий политический скандал и последующие события, развернувшиеся во Франции, явно имеют к ней какое-то отношение. Только вот пока Даша никак не может найти недостающие пазлы, чтобы собрать картинку целиком...

Алиса Клевер

Нежные языки пламени. Шезлонг

Все события, описанные в книге, являются вымышленными.

Любое совпадение персонажей, их имен, биографии с реальными людьми является случайным и ненамеренным.

And the saddest thing

Is all of it could have been avoided...[1 - И самое грустное, что всего этого можно было избежать. Готье, «Широко открытые глаза»]

Gotye «Eyes Wide Open»

Просто удивительно, как из-за какой-то мелочи наступает момент истины.

Элизабет Страут «Меня зовут Люси Бартон»

Подсознание не стреляет, как ружье;

оно дает возможность свинцовому отравлению

просачиваться в рассудок до тех пор,

пока не накопится его достаточно,

чтобы вызвать эмоциональные и нервные расстройства...

Ирвинг Стоун «Страсти ума»

Пресс-конференция была назначена на три часа пополудни, но уже в двенадцать стало ясно, что это была плохая идея. Чтобы попасть в дом, Марко пришлось раздобыть почтовый фургончик и на нем заезжать с соседней улицы – дабы не попасться раньше времени на глаза журналистов. Я вообще никому не хотела попадаться, меня до сих пор не покидало ощущение, что чьи-то глаза неотступно следят за мной. Даже теперь, после смерти Одри. Может быть, особенно теперь, после того, как ее не стало, мое чувство безопасности умерло вместе с ней. Кто знает, что еще случилось в прошлом? Кто может гарантировать мне, что ничего ужасного не случится в будущем?

– Ты должна успокоиться, – произнес Андре. – Это не стоит ни одного твоего лишнего вдоха.

– Я и так едва дышу, лишних вдохов у меня нет, – рассмеялась я, но смех был грустным, как бывает, когда вспоминаешь ошибки, совершенные в прошлом, и думаешь, что все могло быть иначе, но – нет, история в самом деле не имеет сослагательного наклонения. Охранник, посланный Марко нам в помощь, посмотрел в маленькое окошечко и обернулся, машина начала тормозить. Мы

сидели на откидных сидениях среди коробок, писем и пакетов, и все время, что мы ехали, я представляла себе, что может содержаться во всех этих запечатанных почтовых отправлениях. Любовные письма, подарки, уведомления о выигрыше в лотерею. Я понимала, что в большей части коробок – товары из онлайн-магазинов, столь популярных сегодня, но мне нравилось придумывать. Думать о чем угодно, но только не о том, что я сейчас официально стану главным персонажем местных газет. Моя мама была бы в восторге от такого поворота событий и не пряталась бы между коробок «Амазона». Она вошла бы с центрального входа, кивая толпе журналистов, как вдовствующая королева-мать. Но мама лежала в клинике, балансируя на грани жизни и смерти, и больше всего я хотела сейчас оказаться рядом с ней.

– Выходим быстро, нас уже ждут. Всё обойдется, – заверил нас охранник Марко, а затем осторожно кивнул водителю. Я до сих пор не верила, что всё это взаправду и что с той стороны старого дома, увитого виноградом, за забором из кованого металла собралась толпа.

С другой стороны, не они ли показали всему миру, как Андре доводит меня до оргазма у не завешенного портьерой окна в дешевой квартире безликой многоэтажки. Сколько людей отбросили журнал с моей фотографией с гримасой брезгливости, а сколько поднесли поближе и даже нацепили очки на нос, чтобы разглядеть поближе мое худое тело, вытянутое в струну. Момент, который должен был остаться только между мною и Андре, теперь стал частной собственностью Парижа. Почему бы им не хотеть большего? Возможно, Париж теперь рассчитывает на продолжение нашего романа. Город стоит за прутьями нашего забора. Он подсматривает в замочную скважину нашей двери. Нет, это не дверь квартиры Андре, не тот дом, где на лоджии Николь всё так же поливает цветы из оранжевой лейки с длинным носиком. Мы пробирались в особняк Габриэль.

Почтовый фургончик остановился, и мы быстро зашли в дом с чёрного хода. Габриэль встретила нас на заднем дворе, провела через сад, оглядываясь на бежевые стены ее небольшого имения в центре Парижа.

– Они настолько плотно оккупировали главный въезд, что мой стилист еле прорвался. Я забыла сказать ему, чтобы зашел с запасного входа, –

пожаловалась мама Марко, кивнув мне коротко и невыразительно. Я не могла понять, рада она мне или ненавидит меня. Габриэль улыбалась так, что и то и другое было возможно.

– Сколько же их понабежало! – воскликнул Андре, взглянув через плотный тюль на главный вход в родовое гнездо семьи Де Моро.

– А чего ты хотел? – хмыкнула Габриэль. – Это только начало, многие приедут позже.

– Но мы же не всех пускаем? – спросила я. – Быть может, нам пообщаться с кем-то одним?

Марко и Габриэль переглянулись так, словно я сказала невообразимую глупость, но поправить меня или объяснить мне это не представляется возможным, как нельзя объяснить даже самой сообразительной мартышке устройство мобильного телефона. Может быть, во мне говорила неуверенность в себе, а может, я всё себе напридумывала: и пренебрежительное отношение Габриэль, и Марко, который, кстати сказать, проявлял по отношению ко мне столь навязчивую, столь недвусмысленную заботу, будто был уверен в моей полной неспособности даже ходить самостоятельно.

Возможно, он был прав, но я от этого злилась не меньше.

Я хотела уехать, но мне не позволили этого сделать. Теперь же для меня подобрали одежду и сделали макияж, который мне совсем не нравился – он был чрезмерным и определенно старил меня. Мои волосы распустили, нанеся какой-то бальзам, отчего они заблагоухали и заблестели, как чудесные локоны Одри. Запах был знакомым, так что вполне вероятно, что это было то же самое средство, которое она использовала раньше. Этот запах выбил меня из равновесия, и я начала протестовать против затеянного, цепляясь за каждую мелочь. Я не хотела надевать кольцо – мое настоящее обручальное кольцо с черным бриллиантом так и покоилось на дне пыльной комнаты с вещественными доказательствами. А надевать чужое украшение было странно и неприятно, к

тому же это было дурной приметой. Я не хотела подвигать кончики моих темных волос, не хотела выглядеть «не хуже, чем Кейт Миддлтон». Андре молчал и хмурился, наблюдая за мной, и это тоже меня возмущало.

– Почему ты можешь идти просто так, как есть, а меня надо разукрашивать и наряжать? – спрашивала я, теребя край простого шелкового платья с неясным бирюзовым рисунком.

– Потому что его, моя дорогая, все уже видели миллион раз, – подошла ко мне Габриэль, держа в руках тонкий веревочный пояс. – Тебя, моя милая, напротив, никто еще толком и не видел... в одежде.

– Мама! – воскликнул Марко и посмотрел на меня, словно извиняясь, а Габриэль улыбнулась мне тепло и по-дружески.

– Скандальные фотографии – это не беда, если мы забросаем журналы другими, достойными и семейными. В конце концов, нет ничего предосудительного в том, что Андре Робен занимался любовью со своей невестой, верно? Мы именно это и хотим показать, именно на этом поставить акцент.

– Если она будет Кейт Миддлтон, то Андре должен быть принцем Уильямом. Андре, тебе нужно побриться, у тебя слишком много волос на голове, – заявил Марко с самым серьезным лицом. Я рассмеялась и немного расслабилась. Габриэль кивнула в одобрении и протянула мне веревочный, свитый наподобие корабельного мини-каната пояс.

– Мы хотим, чтобы теперь все смогли увидеть настоящую Даша?, и чтобы такую ее знал весь Париж. Поэтому мы позволим всем этим писакам топтать наш газон и газеть на нас.

– Меньше всего сейчас я чувствую себя настоящей. Никогда еще не примеряла такой образ, – пробормотала я, повязывая пояс. – Это не я, это не моя жизнь, я не смогу.

– Что ж, если ты не сможешь, газетчикам будет даже приятнее. Но ведь ты можешь хотя бы попытаться, дорогая. Почему нет? – сказала мне Габриэль, улыбаясь одновременно холодно и осуждающе, эдакой улыбкой мачехи из сказки. Я понимала, что не только я оказалась здесь в нелепой ситуации. Она

тоже и в страшном сне не видела, что ее младший сын приведет в дом какую-то русскую, и не просто так, а в качестве невесты. А потом всем им придется отмываться от ушатов грязной воды, где смешалась и ложь, и правда, и яд, и приторная сладость «перегретых» подробностей их личной жизни. Скандал в благородном семействе, смерть одной невесты, появление другой – нагишом на обложке скандального издания, моя мама, впавшая в кому якобы после того, как над ней «поработал» мой Андре. Теплая песочного цвета шпаклевка старого дома трескалась и осыпалась под натиском сплетен.

– Я попытаюсь держаться естественно, – прошептала я, утратив весь свой гонор. Я представляла себе ее чувства и не хотела входить в эту семью вот так – через пресс-конференцию, созванную, чтобы отбелить мое имя.

– У тебя не может не получиться, посмотри, – сказала она, взяв меня за руку. Габриэль не отличалась ни высоким ростом, ни особенно яркой внешностью, но что-то неуловимо притягательное было в том, с каким достоинством и уверенностью она держалась, в идеальном сочетании цветов ее одежды и украшениях, в спокойствии ее голоса. Гармония и нежность картин Ренуара – вот какое она производила впечатление. Как же она нравилась мне, как хотела бы я так же естественно нести бремя имени – одного из знатнейших, старейших во Франции. Этот дом, в холле которого я стояла сейчас – сколько поколений Де Моро он встречал в своих теплых, уютных стенах! Никакой броской роскоши, никаких попыток кому-то что-то доказать, он стоял тут, чтобы защитить своих обитателей, чтобы обнять их своими изогнутыми крыльями – западным и восточными.

Маленькие дети играли когда-то на полукруглом дворике, вымощенном квадратиками неровных камней, дети пили – пока никто из взрослых не видит – прямо из чуть облупившегося в некоторых местах фонтана, из чьей чаши через края стекала чистая вода. Прятались в многочисленных комнатах, за портьерами разномастных окон – круглых, квадратных, прямоугольных и других, повторяющих контурами глубокую арку западного крыла. Влюбленные подростки прятались от назойливых глаз или дождя за полуколоннами в арке. Здесь можно было почувствовать много веков, проведенных людьми в поисках счастья и покоя. Песок времени осыпался со стен, зелень давала новые всходы, и голубизна неба была единой и неделимой, вечной. Может быть, и мои дети когда-то будут играть тут? Может быть, всё, что случилось в прошлом, останется в прошлом? Теперь, когда Одри умерла, может быть, все можно начать заново?

На моем пальце сияет прозрачный бриллиант, кольцо семьи Де Моро.

– Тебе нравится, как я выгляжу? Скажи, что ты тоже в ужасе! – обратилась я к Андре, оглянувшись на него, но мечтательная улыбка сползла с моих губ. Андре, задумчивый принц моего песочного замка, смотрел куда-то вдаль сквозь открытое окно, и я увидела, что мысли его горьки. – Что случилось?

– Их так много, – устало произнес он и прикоснулся ладонью к глазам, словно хотел скрыться, как маленький ребенок, считающий, что если он никого не видит, то никто не видит и его. Мечты рассеялись, меня втянуло в реальность, как в воронку торнадо. С улицы до нас доносились крики и шум. «Будущее неизвестно. Спросите позже». Андре вздрогнул и посмотрел на меня. Он не улыбался, но я видела, как что-то живое промелькнуло в его взгляде.

– Ты выглядишь скромницей, которая готовится расстаться с девственностью, – сказал он тихо, подойдя к зеркалу. Из отражения на меня смотрела вполне спокойная внешне (хотя это была только видимость) юная девушка достойной и даже приятной внешности. Никаких всклокоченных волос, никакой паники во взгляде. Нежное простое платье с неброским рисунком – крупные, но неяркие бирюзовые цветы. На ногах босоножки в цвет наряду, на шее – цвета слоновой кости изящное жемчужное ожерелье. В руках матери Андре я превратилась в глину, из которой слепили «что-то подходящее к случаю». Макияж, занявший столько времени, оказался совсем не ярким. Акцент был сделан лишь на глазах, для губ же подобрали естественный оттенок помады, под слоем которой не было видно, насколько они искусаны. Габриэль подошла ко мне и подала бежевый бархатный клатч.

– Что там? – спросила я.

– Ничего. Только пара носовых платков, мятные таблетки и капли от насморка.

– У меня нет насморка, – пробормотала я, тут же почувствовав, что говорю в нос. Господи, да я же для нее сплошное разочарование! Наверняка Габриэль сожалеет еще и о том, что мой французский не идеален. Славянка, подобранная непонятно где. Эти слова, которые, конечно, никто не произнес вслух, звенели в моей голове, а между тем мне нужно было как-то справиться с собой: выйти на каменный двор и улыбаться, отвечая на вопросы. Я невольно вспомнила, как в

прошлый раз, гостя в этом доме, я никого не интересовала. В прошлый раз мы сбежали отсюда по лестнице западного крыла, через комнату за галереей. Тогда я, сбросив босоножки, шла по асфальту босиком. В этом же доме я всегда оказываюсь закованной в туфли на высоком каблуке.

– Пора, – произнес Марко, и я кивнула. Я часто слышала о том, как ненавидят звезды преследующих их папарацци, но никогда не думала, насколько это на самом деле неприятно – когда из-за любого угла на тебя могут выпрыгнуть с яркими фотовспышками камер. Во дворе меня ждали толстые черные объективы, плавающие от жары; дорогие линзы; треноги, призванные облегчить ожидание журналистов.

Конечно, они собрались здесь потому, что обыватели Парижа ждут не дождутся, когда же смогут перетрясти чье-нибудь грязное белье, услужливо подброшенное им жёлтой прессой.

– Это нужно для семьи, – сказала Габриэль, нежно удерживая свои руки на моих плечах. – Для нашей семьи, – уточнила она, чтобы я не сомневалась в своей принадлежности к ним. Это её аванс мне, однако поверить в такое слишком сложно, для этого недостаточно просто слов, недостаточно прикосновения тонких ухоженных пальцев и ласковой улыбки, которую так щедро дарила мне Габриэль. Я же, напротив, нервно кусала губы, съедая помаду и постоянно забывала отвечать ей, тут же злясь на себя – я вовсе не хотела показаться грубой.

– Это нужно Андре, – прошептал мне на ушко Марко. Он был единственным, кто понимал, чем можно меня взять.

* * *

Я знала, что пора начинать. Мы и без того задержались уже на полчаса. На камнях старинного двора уже расставили стулья, установили камеры, протестировали их и включили в режим ожидания, чтобы не пропустить ту секунду, когда мы появимся в раскрытых настежь дверях. Двери дома будто созданы были для того, чтобы гостеприимная хозяйка с дружелюбной улыбкой

встречала гостей во время приемов и вечеринок. Но на сей раз улыбка Габриэль Де Моро была холодной, как у Снежной Королевы. Она вышла первой, сразу за охранником, держа меня за руку. Ее хватка была железной, движения – неспешными. Наверное, она не стала бы брать меня за руку, если б меня не трясло, как в лихорадке.

– Тише, птица, – прошептал мне Андре и подхватил меня под другую руку. – Просто дыши. Ничто из того, что происходит здесь сейчас, не играет особой роли.

– Нет? – удивилась я и бросила на него быстрый взгляд. На Андре были бежевые брюки, кожаный ремень с золотой пряжкой, рубашка на несколько тонов светлее брюк и легкий летний пиджак цвета индиго. Андре не стал надевать галстук, его вид был неформальным, но при этом роскошным. Тем самым он проводил невидимую черту между ним и всеми этими галдящими людьми на брусчатке. Я стояла между матерью и ее сыном, но никоим образом не чувствовала себя своей. Это напоминало горячечный бред, какую-то нелепую современную сказку, где Золушка попадает на бал, преследуемая папарацци. Но слетает с нее не туфелька, а платье.

– Они просто завидуют тебе, – прошептал он мне в ответ, и его губы скользнули по моим волосам. – Их можно понять, ведь ты – это ты.

– Хотелось бы знать, что ты имеешь в виду! – Я улыбнулась, и тут же вздрогнула от вспышки фотоаппарата. Фотосессия началась. Грациозная Габриэль заранее продумала, как именно мы должны предстать. В дверях ее дома четыре роскошно одетых человека, чуть повернувшись, чуть выставив ногу вперед – мы это даже отрепетировали. Мужчины по краям, рядом со мной Андре, рядом с Габриэль – Марко. Охранники – чуть поодаль. Контрастные цвета нашей одежды сочетались. Мы не выглядели так, словно одевались в одном магазине из одной коллекции, но смотрелись вместе как картинка из глянцевого журнала. Респектабельная семья аристократов на пороге своей парижской резиденции.

– Вы сделаете заявление? – закричал кто-то из толпы, и Габриэль подняла руку. Охранник тут же подал ей микрофон.

– Сегодня я хотела бы обратиться к прессе с заявлением... нет, с просьбой – порадоваться вместе с нами, – Габриэль откашлялась и замолчала на секунду.

Она произнесла слово «просьба» так, словно подала руку сидящему на улице попрошайке. Габриэль приравняла себя к толпе журналистов, но этот жест только еще больше обозначил гигантскую дистанцию между ними. Журналисты молчали. – Нам часто приходится выбирать между доводами разума и зовом сердца. Это наша жизнь, однако мы не всегда в полной мере можем воспользоваться щедрым даром, который именуется свободой воли. Нарушая правила, мы доказываем, что мы люди. Сегодня же тот редкий случай, когда выбор сердца полностью одобрен разумом. А безумие юности останется в памяти как пикантный эпизод, о котором не расскажешь внукам, но который будет помниться.

– Вы о ночных фотографиях в окне? – спросил кто-то, и по толпе репортеров пронеслась волна незлого смеха. Я покраснела. Я уже слышала эту речь – Габриэль репетировала ее перед зеркалом. Мать Андре хотела, чтобы я тоже выступила и сказала хоть что-то, но я знала, что онемею и не смогу выдать из себя ни слова или, что будет еще хуже, скажу что-нибудь не то – что-то, что рассорит семью Де Моро с прессой еще больше. В итоге было решено, что все нужные слова со свойственным ей тактом скажет Габриэль. Андре возражал, он вообще не хотел идти на конференцию. Забавно, как двое людей, ради которых всё затевалось, не желали в этом участвовать.

– Я говорю о любви, – продолжила Габриэль. – Итак, позвольте представить вам невесту... – Габриэль сделала паузу, чтобы изумленный шепот толпы пронесся поверх нее, закрутился в воздухе и улетел гелиевым воздушным шариком в небо, далеко-далеко, – ... невесту моего сына Андре Робена, графа Де Моро, мадемуазель Дарью Синица. Даша, прошу тебя... – и она чуть подтолкнула меня вперед.

– Поздравляем! Ничего себе! Покажите кольцо! – Толпа кричала, и я с трудом разбираю слова, отделяла один вопрос от другого. Их потрясение и шок были ничем в сравнении с тем, что испытывала в этот момент я. Реальность ли это? Мне хотелось убежать в сад и ущипнуть себя за щеку. Невеста графа? Это было чем-то странным и одновременно смешным. Вспоминалась песенка из фильма «Д'Артаньян и три мушкетера»: «Невеста графа де Ла Фер становится женой...» В голове не осталось ничего, кроме этой незатейливой мелодии. Между тем я непроизвольно дергалась от каждой вспышки и рефлекторно порывалась закрыться от яркого света ладонью. Андре приобнял меня чуть крепче.

– Как давно вы знакомы?

– Когда вы приняли это решение? Не в том ли доме, где вы и она...

– Проявите уважение к семье, – вышел вперед Марко, и гадкий журналист, тонкий, жилистый и пронырливый, как червяк, отодвинулся от нас подальше. Я была в панике, Андре же снова держал меня под руку, с силой сжимая предплечье. Его стальная хватка отрезвляла. Я вдруг подумала, что предпочла бы сейчас, чтобы Андре сделал со мной что-то совершенно возмутительное, чтобы он взял меня на площади того нудистского города, о котором он рассказывал, связав меня; чтобы я кричала, а люди смотрели бы на нас, чтобы мои беспомощность и стыд перемешались с возбуждением и желанием. Без этих секретных ингредиентов беспомощность и стыд были невыносимыми. Я стояла, зная, что журналисты правы, что я вовсе не стою их уважения. Я спятившая любовница, которая хочет, чтобы ее трахнули посреди улицы. Будущая графиня Де Моро.

– Уважение – непростая штука. Мы все хотим его по отношению к себе, – сказал Андре, – Я, конечно, понимаю, что в вашем случае уважение к частной жизни – это благодетель, мешающая успешному бизнесу. Но давайте договоримся сразу: мы не станем обсуждать нашу с моей невестой личную жизнь, свидетелями которой вы сделали весь мир.

– Кто сделал те фотографии? Вы были в курсе, что вас снимали? Вам нравятся такие вещи?

– Это возмутительно! – выкрикнул Марко.

– А что вы скажете, господин Робен? – Конференция набирала градус. Я боялась даже подумать о том, что появится в завтрашних газетах. – Почему за вас всё время отвечает ваш брат?

– Я поясню, – вышел Андре, но его тут же перекрыла мать.

– Этого мы не знаем, – вмешалась Габриэль, отвечая на вопрос об авторе снимков. – И собираемся требовать компенсации от журнала. Порочить честное имя графа Де Моро и его невесты – это преступление.

– Когда назначена свадьба? – крикнула девушка с краю, держащая в руке огромный пушистый микрофон, напомнивший мне мультяшных «Смешариков».

– Дата будет объявлена позднее, – сказал Марк.

– Правда ли, что вы возражали против этого брака? Из какой семьи ваша невеста?

– Позвольте ответить по порядку. Повторите вопрос, – замедляя ритмику, переспросила Габриэль.

– Из какой семьи происходит ваша невеста. Она – не дворянка?

– Эта информация будет опубликована позднее. Семья Де Моро принадлежит к демократичной и толерантной части французского общества, – ответила Габриэль.

– Не потому ли вы так толерантны, что ваш сын чуть не убил мать этой девушки на операционном столе? – спросил тот же гадкий журналист-червяк.

– Оставьте мою мать в покое! – воскликнула я. – Она проходит лечение в Москве и выздоравливает!

– Вы увезли ее из Франции в Москву? – с интересом воскликнул червяк. Я почувствовала, что мои слова могут быть истолкованы превратно, но не могла остановиться.

– Андре никогда ей не вредил, она никогда не была на его операционном столе, вы слышите? – Я говорила негромко, но вполне внятно и чётко.

– Если так, почему вы отправили ее в Москву? – продолжал добивать меня червяк. Я запнулась, не зная, как ответить на этот вопрос. Конечно, я отправила ее не потому, что ей угрожал Андре. Да, я была против того, чтобы мама делала пластическую операцию, я хотела, чтобы она смирилась с тем, что ей уже не придется играть Снегурочек и Джульетт. Нужно уметь стареть с достоинством, как это делает, к примеру, Габриэль. Они с моей мамой почти ровесницы: и та и другая вплотную подошли к шестидесяти годам. Обе когда-то были так хороши,

что у мужчин в их присутствии захватывало дух. Лица обеих несли отпечаток пережитых лет, и в этом было своеобразное очарование, нечто неуловимое, когда понимаешь, что вместе с годами, унесшими с собой что-то внешнее, пришло что-то внутреннее, куда более ценное. Мама гонялась за призраками. В двадцать пять она мечтала выглядеть на двадцать, в тридцать пять – тоже. После она хватала дракона за хвост, рискуя жизнью и карьерой, и немножечко – мной. Габриэль была красивой женщиной в возрасте, мама была молодящейся, но больной женщиной, она билась с диабетом. Кто-то из великих сказал, что красота – это здоровье, ничего больше. Теперь я его понимала.

– Дашину маму призвали на родину дела, – вставила Габриэль, и я чуть было не расхохоталась и не испортила эффект от этой умелой и продуманной лжи. Призвали дела? О нет, просто сложно объяснить этим журналистам, и в особенности этому червяку, что на мою маму было совершено покушение, что на меня оно тоже было совершено – дважды. Меня пытались поджечь, застрелить, ведь за мной по пятам ходила маниакальная невеста другого графа, стоящего по правую руку от великолепной Габриэль. Семейные ценности – это нечто особенное для нас, мы – не такие, как все, у нас тут голубой кровью все ступени залиты. И где-то там, в тишине библиотеки, среди оригинальных полотен модернистов исчезли следы моего жениха Сережи Варламова. Мою маму привели на родину дела и желание выжить, моя мама в коме, она ничего не может ни рассказать, ни оспорить.

– Почему вы взялись оперировать пациентку, с дочерью которой крутили такой... ошеломительный роман? – Снова червяк. Раздавить бы его!

– Я отказался от пациентки, как только мои отношения с ее дочерью вышли за рамки профессиональных, – и глазом не моргнув, ответил Андре. Соврал, повернулся ко мне и только чуть сильнее сжал мой локоть. Притворяться, улыбаясь, и надеяться, что тебя не сожгут заживо, – вот она, моя сказка, в которой принц врет и не краснеет. Да и я тоже вру.

– Мама приезжала только затем, чтобы получить консультацию от Андре... от месье Робена. В любом случае, взвесив все «за» и «против», мама отказалась от решения оперироваться. Кроме того, она получила предложение от французской кинокомпании.

– Значит, мы увидим ее на наших экранах? – спросила девушка со «смешариком» в руке.

– Вполне возможно, – кивнула я. Еще одна ложь. Если Шурочка права и мама придет в себя, вряд ли она захочет вернуться в страну, где ее пытались убить. Нехорошо так говорить, но я была рада, что Одри решила покончить с собой. Навязчивые идеи, горячечный бред, попытки придать смысл звериной жестокости – единственное, что она привнесла в этот мир. Мне было жаль ее, но без нее мир стал спокойнее и безопаснее для нас. А сейчас благодаря Одри Шараф мы все собрались здесь, на залитой солнцем площадке перед особняком. Ведь это она сделала те фотографии и отдала их в журнал. К сожалению, еще она наговорила кучу гадостей, испортив Андре карьеру. В каком-то смысле я считала, что, выпив таблетки, Одри вынесла себе справедливый приговор. Она ведь и Николь чуть не убила. Одри, Одри!

– Нам пора, – вдруг сказал Андре и вышел вперед. Вышел, утащив меня вместе с собой. – Можете делать свои фотографии. Вот мы – я и моя прелестная невеста. Мы планируем пожениться тихо: устроить маленькую свадьбу и пригласить на нее только самых близких. Я искренне надеюсь, что вы больше никогда нас не потревожите. Спасибо за внимание!

И Андре потащил меня за собой в дом. Я успела заметить, как перекошилось от недовольства лицо Габриэль, как обеспокоенно посмотрел на нас Марко и бросился за нами в дом. Журналисты выкрикивали вопросы, вспышки продолжали вспыхивать, фотографы щелкали своими камерами как сумасшедшие, словно пытались не упустить ни одного нашего движения, чтобы вместо фото сделать эдакие мини-фильмы. Андре, белый от бешенства, зашел в кухню, открыл шкафчик и достал бутылку вина. Налив себе в бокал, он отпил резко, много – почти весь бокал одним глотком. Я стояла посреди комнаты, не зная, что мне делать – идти обратно к Габриэль, подняться на второй этаж? Вообще уйти отсюда? Марко спросил меня, в порядке ли я, но я только помотала головой.

– Ты сошел с ума, да? – набросилась на Андре Габриэль. – Ты хоть понимаешь, что мы устраивали всю эту пресс-конференцию, чтобы покормить акулу, а ты только и делал, что тыкал в нее гарпуном. Ты понимаешь, что теперь они нам проходу не дадут?

– Чем тебе не нравится внимание прессы? – улыбнулся Андре.

– Всем! Мне вообще не нравится внимание прессы. Ты знаешь, я веду закрытый образ жизни... в отличие от тебя!

– Я... я пойду. Мне пора! – воскликнула я, и все они, кажется, только теперь заметили меня. Я вскочила с дивана, на котором сидела, забравшись с ногами. В итоге споткнулась о подушку, попавшую под каблук, и чуть не упала. Марко подхватил меня и помог сесть обратно.

– Тише, тише. Никто никуда не пойдет. Не сейчас. Журналисты пробудут на пороге нашего дома еще неизвестно сколько. Неужели вы хотите дать им новую пищу для сплетен? Главное сделано, мы оповестили прессу, что фотографии в журнале – это шантаж, а вы – невеста Андре. Остальное не так уж и важно, да? – Марко смотрел на меня, как заботливый папаша, а я на него, как провинившаяся школьница. Особенно в этом платье примерной ученицы. Я мечтала о своих джинсах, но даже не представляла, куда их дели.

– Я... простите.

– Ничего, – ласково кивнул Марко. – Вы переночуете здесь. Места полно. Ругаться мы перестанем. Это всё дела семейные, поверьте.

– Верю, – улыбнулась я. Улыбка получилась сквозь слезы.

– Давайте я вам лучше чаю сделаю.

– Я сам ей чаю сделаю, – вмешался Андре, оттирая от меня Марко. Извечная конкуренция братьев, худшая история которой – история Каина и Авеля.

– Марко, я буду очень рада, если вы сделаете мне чай, – сказала я, и Андре замолчал. Он смотрел на меня молча, словно расшифровывая или, что еще более вероятно, придумывая для меня способ казни. Я кивнула и взгляда не отвела.

– Будь любезен, – отступил Андре. – Я тоже бы выпил чаю. И, кстати, мама, если ты еще раз скажешь мне что-нибудь про ту фотографию в журнале – напрямую или иносказательно, как ты любишь, – клянусь, я выйду голым на Елисейские Поля. И буду стоять там, пока меня не сфотографирует какой-нибудь турист из Китая. Я уж не говорю о вездесущих журналистах. Весь интернет наполнится

фотографиями голого графа Де Моро.

– С тебя станется! – воскликнула Габриэль раздраженно. Она налила себе и мне вина. Так я оказалась сидящей на диване с вином и с чаем. Я не стала пить ни того ни другого, вообще стараясь не шевелиться. Оказалось, что в кухне мы были не одни. Помимо охранника присутствовали еще дворецкий и девушка в форменной одежде, по-видимому, горничная. Все они, включая охранника и, что забавно, меня, пытались слиться с обстановкой, стараясь стать невидимыми. Вечер в семье Де Моро был огнеопаснее коктейля Молотова.

* * *

Оставить всё в прошлом. Эта фраза звучала за ужином, как тост, как мантра, как просьба или даже приказ. Иногда она модифицировалась во что-то неясно позитивное, связанное с будущим, в которое нам было предложено смотреть с оптимизмом. Я же устала, была измотана и тряслась от страха за своё ближайшее будущее – завтрашним утром все эти акулы пера примутся перемывать мне косточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

И самое грустное, что всего этого можно было избежать. Готье, «Широко открытые глаза»

Купить: <https://tellnovel.me/ru/alisa-klever/nezhnye-yazyki-plameni-shezlong-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)